

К 450-ЛЕТИЮ ПРЕСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА

Н. В. Сеницына *

Новые данные об итальянском периоде жизни преподобного Максима Грека

В сочинениях прп. Максима Грека, написанных в России (март 1518 — декабрь 1555 г.), имеется обширная информация о его пребывании в Италии в 90-х гг. XV в. Ее выявил и обобщил в 1915 г. В. С. Иконников¹, наблюдения которого позже учел И. Денисов, создавая новую концепцию итальянского периода жизни будущего русского подвижника. Иконников начинал итальянский итинерарий прп. Максима с Венеции, которая находилась на пути греков, представителей греческой эмиграции, отправлявшихся с разными целями в Италию. В послании В. М. Тучкову ученый афонский монах писал о своем участии в книгоиздательской деятельности Альда Мануция в Венеции: «...часто хаживал к нему книжным делом»². В типографии Альда, основанной около 1494–1495 г., печатались греческие книги; неизвестно, какова была роль молодого грека, он мог выполнять разные функции — как корректорские, так и связанные с отбором текстов и рукописей для печатания³. В послании дипломату и публицисту Ф. И. Карпову он сообщал о таких деталях и эпизодах франко-миланской войны 1499–1500 г., которые позволяют видеть в нем современника, а возможно, и очевидца событий. В других сочинениях говорится о контактах в Ферраре, Флоренции, Падуе, Неаполе и др. Но вся информация сосредоточена в кратких упоминаниях, рассеяна по разным сочинениям преимущественно первого периода, созданных в 1518–1525 г., до осуждения на Соборе. Эти материалы публикуются в недавно подготовленном 1-м томе нового издания сочинений прп. Максима Грека⁴. Он вспоминал о своем западно-европейском прошлом и позже.

В русских сочинениях прп. Максим Грек не раз говорил о своей былой причастности к языческим эллинским учениям, о том, что в бытность в Италии находился отнюдь не «в преддверии» науки того времени, неизменно повторяя о своем последующем обращении. В одном из сочинений против астрологии, обличая тех лиц из своего итальянского прошлого («во Италии и в Лонгобардии»), которые ставили «внешнее наказание» и «перипатетические хитрости» выше христианских догматов, прп. Максим подтверждал факт своего общения с ними не только

* © Сеницына Н. В., 2006

Нина Васильевна Сеницына, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана в рамках программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте». Проект «Проблемы духовного просвещения и православной культуры в России (XVI–XVII вв.)».

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

в качестве слушателя и зрителя — «не яко слышатель и самовидец токмо оных, но и общитель». Продолжая мысль, он писал: «И аще не бы Иже о всех спасении пекиися Бог помиловав мя, скорее посетил благодатию Своею и светом Своим озарил мысль мою, издавна убо и аз погибл бы с сущими тамо нечестия предстатели»⁵.

Аскетические устремления будущего православного святого проявились уже в Италии, о чем свидетельствует одно из его сочинений, написанных в России, вероятно, в 30–40-х гг. XVI в. Единственный город, а также группа фактов итальянского периода, которым посвящено специальное (и достаточно пространное) сочинение, — это Флоренция, которую Максим Грек назвал прекраснейшим из виденных им городов Италии. Само название сочинения свидетельствует о его глубоких аскетических устремлениях и настроениях в тот период: «Повесть страшная и достопамятная и о совершенном иноческом жительстве»⁶. В качестве примера «совершенного иноческого жительства» приведены порядки картезианского и доминиканского монастырей; описаны также реформаторские начинания и преобразования Савонаролы, его казнь. Подробности и детали этого сочинения позволяют судить о том, что уже в Италии Максима Грека интересовала монашеская жизнь во всех ее проявлениях, он пытался проникнуть в порядки разных католических орденов, понять их. В «Повести» подчеркиваются нестяжательность монастырей, отсутствие у них ростовщичества. Флоренция конца XV в. была городом гуманизма и аскетизма. Будущий Максим Грек знал оба направления, но аскетическое в нем одержало верх. Около 1505–1506 гг. он стал монахом Ватопеда — одного из монастырей Святой Горы во имя Благовещения Пресвятой Богородицы.

Впрочем, в сенсационной книге Денисова «Максим Грек и Запад», опубликованной в 1943 г., в разгар Второй мировой войны, выдвигалась гипотеза, согласно которой в 1502 г. он стал монахом-доминиканцем флорентийского монастыря св. Марка⁷. Одна из глав книги так и называется: «Доминиканец в монастыре св. Марка». Эта гипотеза сопровождалась и другими новыми фактами или предположениями. Денисов обратил внимание на ряд писем, как опубликованных, так и хранившихся в западноевропейских архивах, подписанных именем «Михаил Триволис». Письма Михаила Триволиса Сципиону Картерромаху, хранящиеся в Ватиканском архиве, являются автографами. Они направлены в Венецию из Флоренции. Денисов отождествил почерк этих эпистолярных источников с книжным письмом рукописи сельскохозяйственного трактата «Геопоники» (хранится в Париже), написанной «Михаилом для Ласкариса». Это сообщает запись на рукописи; имена Денисов интерпретировал как «Михаил Триволис» (в основе идентификации почерка) и Иоанн Ласкарис. О контактах Максима Грека с этим лицом писал и А. М. Курбский⁸, ошибочно утверждая, что он учился у Ласкариса в Париже. Денисов полагал, что наш будущий монах прибыл первоначально не в Венецию, а во Флоренцию в 1492 г. вместе с Ласкарисом, с которым познакомился еще в Греции.

Денисов привлек также источники афонского происхождения, подписанные «Максим Триволис», и увидел в нем то же лицо, но уже после принятия монашества в Ватопеде. Далее Михаила—Максима Триволиса Денисов отождествил с монахом Максимом Греком русских источников. В основе идентификации находилось, во-первых, совпадение географического ареала и сравнительной хроно-

Н. В. СИНИЦЫНА. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРЕП. МАКСИМЕ ГРЕКЕ

логии известных ранее и новых источников. Во-вторых, были сопоставлены две группы почерков: одна — почерки парижской рукописи «Геопоники», ватиканских автографов-писем Сципиону Картеромаху, автографов афонского происхождения, другая — почерк Псалтири, написанной в 1540 г. уже в России, в Твери, и имеющей колофон, удостоверявший имя писца, — монах Максим из Ватопеда, время и место создания рукописи. Аргументация идентификации достаточно беглая, не систематизированная; почерк тверского манускрипта был известен Денисову лишь по альбому архимандрита Амфилохия, изданному в 1880 г.⁹ Одна из идентификаций впоследствии была отвергнута Б. Л. Фонкичем, писавшим, что «публикуемый Денисовым по рукописи Дионисиева монастыря текст двух эпитафий патриарху Нифонту II (*Denissoff E. Op. cit. Pl. VIII*) признается издателем автографом преп. Максима Грека ошибочно. Ошибку Денисова повторяет Иванов (см.: *Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Рис. 13*)»¹⁰. Позже в западноевропейских хранилищах были установлены и другие рукописи, атрибутированные этому же писцу¹¹, но развернутой аргументации этой идентификации по-прежнему не было. Лишь подробный, систематизированный, отвечающий современному научному уровню анализ почерков всех рукописей сделает гипотезу Денисова твердо установленным фактом.

Наиболее существенные выводы Денисова — установление мирского имени Максима Грека (Михаил Триволис) и ряда новых фактов его итальянской биографии, главный из которых — пребывание в замке Мирандола на службе у Джованни Франческо Пико, племянника знаменитого Пико, автора «Речи о достоинстве человека», ставшей манифестом итальянского гуманизма после смерти самого Пико.

Гораздо слабее была аргументирована вторая часть гипотезы Денисова — о вступлении Михаила Триволиса в монастырь св. Марка во Флоренции в 1502 г. (через 4 года после казни Савонаролы). В ходе подготовки книги Денисов получил от доминиканца В. Кьярони из Флоренции копию записи, находившейся, как ему было сказано, в «Хронике» этого монастыря. Запись сообщала о том, что в июне 1502 г. в монастырь вступил (ассерит абитум) Михаил, сын Эммануила из города Арта. Хотя фамилия Михаила не указывалась, Денисов предположил, что речь идет о Михаиле Триволисе, будущем Максими Греке, поскольку из русского источника известны имя его отца — Мануил и место рождения — город Арта. Они были названы в записи на одной из рукописей, содержащей сочинения преп. Максима Грека из Троице-Сергиевой лавры¹². Несмотря на то, что эта рукопись составлена в конце XVI в., запись, бесспорно, восходит к прижизненным заметкам биографического характера либо самого преп. Максима, либо кого-то из его ближайших сотрудников. На следующую веку из жизни Михаила, сына Эммануила из города Арта, указывало, по мысли Денисова, его письмо одному из друзей, а именно вышеупомянутое письмо Сципиону Картеромаху, которое Денисов датировал по ряду косвенных признаков, соображений и умозаключений 1504 г. В письме автор сообщал, что отказался от монашеской жизни исключительно из-за многих одолевавших его болезней¹³. На этой основе делался вывод о двухлетнем «доминиканском» периоде жизни будущего русского подвижника.

Рассуждения и построения Денисова вызывают некоторые сомнения. Во-первых, следует учитывать, что в латинской записи отсутствует фамилия, но указаны

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

лишь имя отца и место рождения (Михаил как имя будущего Максима Грека в цепи доказательств Денисова оставалось еще тезисом, который предстоит доказать). Имена и отчества двух разных лиц, уроженцев одного города, могли просто совпасть. Во-вторых, слова письма об «отказе от монашеской жизни» можно понимать не только как уход из монашеского чина, но и как отказ от намерения стать монахом, т. е. здесь допускается двоякая интерпретация. Справедливость этих сомнений подтвердилась в апреле 2003 г., когда задачи подготовки нового издания сочинений прп. Максима Грека и воссоздания начальных этапов его биографии привели меня в архив монастыря св. Марка во Флоренции.

В предисловии к изданию 1943 г. Денисов сообщил о том, что «Хронику» с процитированной им латинской записью 1502 г. он не видел, так как она не была доступна во время Второй мировой войны. Позже он пытался разыскать оригинал записи и в 1948 г. опубликовал статью с сообщением, что проведенное по его просьбе исследование «Хроники» монастыря св. Марка (Ms. Laurent. 370, papier, f. 221) установило отсутствие в ней той записи, которую он опубликовал в 1943 г.¹⁴ Тем не менее он продолжил поиски и писал так: «A la réflexion cependant, nous avons estimé que ce texte *devait* (курсив И. Денисова. — *H. C.*) exister et qu'il nous fallait simplement retrouver le mystérieux manuscrit où on l'avait lu»¹⁵. Благодаря содействию других лиц, Денисову удалось преодолеть сомнения В. Кьярони, который согласился «открыть свою тайну» (*livrer son secret*). Оказалось, что заметка о «Михаиле из Арты, нашем Максиме Греке», была выпиской не из «Хроники» Убальдини, секретаря Савонаролы (ныне она хранится в библиотеке Лауренциана во Флоренции с тем же шифром), а из другого манускрипта с названием «Liber vestitionum». Это рукопись, по описанию Денисова, без переплета и пагинации, нестандартного размера (33,1×11), на 190 листах, бережно хранившаяся в доминиканском монастыре св. Марка. Запись сделана рукой Убальдини, секретаря Савонаролы. Эта статья также вызывала вопросы: почему первоначально не был сообщен точный источник и почему позже из этого делалась тайна.

Существует, однако, еще один источник, оставшийся неизвестным Денисову. Я ознакомилась с ним благодаря любезности сотрудников архива и библиотеки монастыря св. Марка, которым выражаю свою искреннюю признательность. Мне показали не только рукопись «Liber vestitionum», но и рукописную книгу, содержащую составленный в 1911 г. полный свод, или список, всех вступивших в монастырь с XIV по начало XX в., имеющий название «Spoglio generale». Список создан на основе многочисленных источников — хроники монастыря св. Марка, «Liber vestitionum», книги, которая была показана Денисову, других монастырских источников, некрологов. Список составлен в алфавитном порядке и состоит из ряда вертикальных граф, в которые вписаны имена, фамилии, указания о месте рождения, дате смерти, а главное — две даты вступления в монастырь. В графе «Vestizione» содержится дата вступления в монастырь в качестве новика (послушника), еще не принявшего обетов (от *vestis* — одежда, одеяние). Этот латинский обряд соответствует греко-православному рясофору. Другая графа — «Professione» — сообщает дату принятия обетов, т. е. полного монашества. Разница между двумя датами для вступивших составляет примерно год. Как правило, у большинства имен заполнены обе графы, но иногда вторая оставлена пустой. Это

Н. В. СИНИЦЫНА. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРИИ. МАКСИМЕ ГРЕКЕ

может свидетельствовать о том, что новиций не принял монашество либо покинул монастырь. Графа с датой смерти также заполнена далеко не у всех, т. е. надо полагать, в этих случаях монах скончался вне монастыря.

В составе «Spoglio generale» повторена запись о «брате Михаиле, сыне Эммануила из города Арта», совпадающая с записью в «Liber vestitionum», при этом сделана помета с указанием страницы книги, что соответствует действительности. Однако заполнена лишь графа «Vestizione», а две другие — «Professione» и с датой смерти — остались незаполненными. Следовательно, брат Михаил не принял монашество в монастыре св. Марка и покинул его. Теперь можно однозначно расшифровать смысл слов об «отказе от монашеской жизни» в одном из двух писем Михаила Триволиса Сципиону Картеромаху (от 21 апреля). Это не что иное, как отказ от принятия обетов «Professione» в монастыре св. Марка, т. е. отказ от вступления в этот монастырь. Тем самым становится некорректным вышеупомянутое название одной из глав в книге Денисова «Доминиканец в монастыре св. Марка». Делало новиция доминиканцем не просто пребывание в доминиканском монастыре, но лишь принятие полноты обетов.

Оба письма не датированы, точнее, указаны лишь число и месяц — 21 и 29 апреля, а также местонахождение отправителя («из Флоренции»); в одном из них (от 29 апреля) сообщается, что адресат находится «в Венеции, в доме господина Альда Мануция». Письма сохранились вместе и являются, по идентификации Денисова, автографами Михаила Триволиса, имеют его подпись.

Дату «1504 год» для этих писем Денисов предложил по следующим основаниям. В письме от 29 апреля автор просит поздравить «просвещенного Марка», получившего «знаки уважения». Все исследователи видели в этом указание на Марка Музуруса, одного из самых значительных в окружении Альда Мануция лиц, получившего в 1503 г. должность цензора выходящих в Венеции греческих книг. Однако дата «1503 год» не была прямой, т. е. засвидетельствованной документально, но вычислялась на основе предисловия к изданию Слов Григория Назианзина 1516 г., где Марк Музурус сообщал, что исполняет службу цензора в течение 13 лет¹⁶. Но поскольку месяц его назначения неизвестен, а оно могло состояться и после апреля 1503 г., то письма Михаила Триволиса, по мысли Денисова, следовало датировать апрелем 1504 г., что, заметим, продлевало пребывание его в монастыре почти на целый год. Если же учесть новую информацию и исходить из идентичности Михаила Триволиса и того лица, о котором идет речь в записи 14 июня 1502 г. («Михаила, сына Эммануила из города Арта») не только в «Liber Vestitionum», но и в «Spoglio generale», то его «испытательный срок» истек в конце весны — начале лета 1503 г. Содержание, стиль, интонация письма от 21 апреля указывают, как представляется, на то, что оно написано не спустя почти год после этой даты, а по свежим следам, вскоре после описываемого события, с живым и еще не угасшим чувством. Поэтому более приемлема, на мой взгляд, дата «апрель 1503 г.», и, следовательно, решение об отказе от монашеской жизни было принято еще до окончания годичного срока. В таком случае Михаил, сын Эммануила из города Арта, находился в монастыре св. Марка около 10 месяцев — с 14 июня 1502 г. по апрель 1503 г. Так, закончив деловую, краткую часть письма от 21 апреля словами «Желаю тебе счастья и удачи во всем», автор

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

вдруг пишет более пространное продолжение: «Без сомнения, ты слышал, как что кончилось, ведь честный Петр все тебе подробно рассказал, а поэтому и сейчас мне кажется лишним рассказывать это тебе. Кроме того, нет у меня ни времени, ни спокойствия души и ума, не только потому, что я ничего не нашел ни у кого из здешних, но и потому, что меня кидает вверх и вниз, как корабль, сотрясаемый переменчивыми ветрами в открытом море. Поэтому-то я и не распространяюсь тебе сейчас ничего больше, помимо того, что я отказался от монашеской жизни из-за многих болезней, одолевающих меня, а не по какой другой причине... избавь меня от теперешней моей подавленности и, каким сможешь способом, вытщи меня к вам... Знай, что сейчас, при таких напастях судьбы все будет мне приятно»¹⁷.

Просьба Михаила Триволиса в письме от 21 апреля отрекомендовать его Альду имеет и биографическое значение, позволяя заключить, что его сотрудничество «в книжном деле» с печатником началось в 1503 г., а не сразу по прибытии в Италию, как предполагал В. С. Иконников. Возможно, что вскоре после писем Михаилу Картеромаху из Флоренции в Венецию с просьбой отрекомендовать его Альду и «вытщить к вам», к его друзьям в Венеции, он действительно перебрался в этот город и стал сотрудничать с Альдом. В это время Иоанн Ласкарис вернулся из Парижа — находился в Венеции в качестве представителя французского короля и продолжал свою преподавательскую работу. Возможно, какие-то реалии именно этого периода в искаженном виде переданы А. Курбским (об обучении прп. Максима у «славного Ласкаря» в Париже).

Подводя итоги, надо сказать следующее. Вывод о тождестве упомянутого в «Liber vestitionum» и в «Spoglio generale» Михаила, сына Эммануила из города Арта, и Михаила—Максима Триволиса некоторых западноевропейских и афонских источников не является бесспорным и не принадлежит к ряду твердо установленных научных фактов, поскольку в латинских монастырских записях отсутствует фамилия (в отличие от греческих, афонских источников, в которых назван Максим Триволис). Совпадение имен (с отчеством) упоминаемых в источниках разных лиц, даже уроженцев одного города, не является редкостью. Имена Михаил и Мануил были обычными и достаточно распространенными, а Арта являлась большим городом. Вполне вероятно, что не только в семье Триволисов мог быть Михаил, сын Мануила, отправившийся в Италию и вступивший во Флоренции в монастырь св. Марка. Представляло бы бесспорный интерес более детальное изучение состава «Spoglio generale».

Если предполагаемое тождество все же признать, то и в этом случае следует сделать вывод, что Михаил, сын Эммануила из Арты (предположительно будущий Максим Грек), проживал в монастыре св. Марка лишь в качестве «новиция» после обряда «Vestizione» около 10 месяцев, отказавшись от монашеской жизни в католическом монастыре и не принимая полноты монашеских обетов на ступени «Professione», т. е. не был доминиканцем в полном смысле слова. Слова Михаила Триволиса в письме Михаилу Картеромаху («я отказался от монашеской жизни») следует понимать как решение не принимать обетов «Professione», а ссылка на болезни как причину отказа была лишь предлогом, поскольку через 2–3 года он принял постриг в Ватопеде. Причины отказа находились глубже, что подтверждается творчеством прп. Максима Грека в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915.
- ² *Булапин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 198.
- ³ *Geanakoplos D. J.* Greek Scholars in Venice: Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge/Mass., 1962. P. 58–60.
- ⁴ *Синицына Н. В.* Проект издания сочинений Максима Грека // *Cyrrillomethodianum. Thesalonique*, 1993–1994, XVII–XVIII. P. 110–118.
- ⁵ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. Казань, 1859. С. 457–484.
- ⁶ Там же. Ч. 3. Казань, 1862. С. 178–205, перевод на современный итальянский язык в приложении к статье: *Simitsyna N. V.* Massimo il Greco, Firenze, Savonarola / Giorgio La Rira e la Russia / A cura di M. Garzaniti e Lucia Tonini. Firenze–Milano, 2005. P. 290–304.
- ⁷ *Denissoff E.* Maxime le Grec et L'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943.
- ⁸ Сообщение содержится не в «Истории о великом князе московском», а в «Истории о осьмом Соброре» (см.: Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. С. 476).
- ⁹ *Амфилохий, архим.* Палеографическое описание греческих рукописей XV–XVII вв. определенных лет. Т. IV. М., 1880. С. 52–55.
- ¹⁰ *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 1903. Примеч. 10. С. 73.
- ¹¹ *Gemillscheg E., Harlfinger D.* Repertorium der griechischen Kopisten. 800–1600. 3 t. Vienna, 1981–1997.
- ¹² Воспроизведение записи см.: *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуции. Библиография. Л., 1969. С. 25. Вопреки утверждению ряда исследователей, автографом Максима Грека запись не является (см.: *Иванов А. И.* Указ. соч. С. 24).
- ¹³ *Denissoff E.* Maxime le Grec. P. 95–96.
- ¹⁴ *Denissoff E.* L'influence de Savonarole sur l'Église russe expliquée par un MS. inconnu du couvent S.-Marc à Florence // *Scriptorium. Bruxelles*. V. 2, fasc. 2. P. 253–256; *Каутанов С. М.* Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах // *Византийский временник*. Т. 14. М., 1958. С. 282–295.
- ¹⁵ Перевод: «Однако после размышления мы признали, что этот текст *должен* существовать и что нам необходимо вновь найти таинственный манускрипт там, где он был прочитан».
- ¹⁶ *Geanakoplos D. J.* Greek Scholars... P. 132.
- ¹⁷ Перевод К. В. Хвостовой см. в кн.: *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 252.